

Пока в стенах Вантинчуня и за его пределами сгустились тучи скорби и уныния, у самого порога заведения раздался легкий смешок.

Смех сам по себе не был чем-то из ряда вон выходящим, но перед лицом Фэй Цзиня, когда каждый дышать боялся от страха, никто не посмел бы издать и звука, чтобы не привлечь внимание этого злого гения. Поэтому стоило смешку прозвучать, как многие тут же вскинули головы, желая увидеть, что за безумец отважился наступить тигра на хвост.

Под пристальными взглядами сотен глаз в трактир вальяжно вошел незнакомец. На нем был небрежно нараспашку накинут халат вызывающе алого цвета; взмывая от ветра, полы его одежды рождали ощущение, будто этот человек парит на воздушных потоках, являя собой чистейший образец благородного изящества времен эпохи Вэй-Цзинь.

Силуэт, едва угадываемый под легкими шелками, приковывал к себе куда больше внимания, чем вся недавняя притворная грация Бессмертной девы Светлой Луны.

Обыватели так засмотрелись на невероятного красавца, что даже прежний страх на миг отступил. В головах у всех вертелась лишь одна мысль: когда только в Янчжоу объявился столь примечательный муж, а они и понятия не имели? Судя по мечу, покоившемуся у него на поясе, путник принадлежал к боевому миру — должно быть, явился в гости к секте Саньфэнью.

Бедолага управляющий Хэ все еще лежал без чувств на полу и не мог встретить гостя, однако пришельца это ничуть не смутило. Он напрямик направился к столу Фэй Цзиня, устроился напротив и, вытянув две холеные, безупречно ухоженные руки, принялся мерно рукоплескать: «Хлоп, хлоп, хлоп».

По залу тут же пронесся дружный вздох ужаса.

«Надо же, такой статный, изысканный и красивый господин, а ума — совсем чуть-чуть! Мало того что ввалился в это логово дракона, не почуяв опасности, так еще и уселся напрямик за стол к свирепому бандиту, да вдобавок мешают ему грызть краба! Вот погоди, сейчас этот мерзавец бросит краба и отхватит ему палец!»

Фэй Цзинь, который и понятия не имел, что в глазах простого люда его образ стремительно катится к кровожадному людоеду, как раз недоумевал, с чего это управляющий Хэ вздумал валяться на полу, как вдруг услышал смех и рукоплескания незнакомца:

— А ты, братец, на редкость забавен. Один твой вид заставляет позабыть о мирской суете.

Фэй Цзинь повернул голову и замер: в глаза ему бесцеремонно и властно ударил этот ослепительно яркий, кричащий алый цвет.

Судя по голосу, это был тот самый доброжелатель, что недавно подсказал ему дорогу за

городом.

Теперь, когда незнакомец сидел совсем близко, Фэй Цзинь наконец сумел разглядеть его получше. В отличие от прочих городских жителей, рядившихся в диковинные наряды, этот человек, как и он сам, носил просторный и удобный халат. И если не считать чересчур сочного, режущего глаза оттенка ткани, от него и впрямь веяло чем-то родным и близким.

Простодушный молодой воин Фэй мгновенно проникся к нему симпатией. Спешно придвинув к себе свой «драгоценный клинок», он со всей искренностью взмолился:

— Уважаемый воин, не сочтите за труд стать моим побеждённым противником? Фэй Цзинь будет вам бесконечно благодарен!

Человек в алом как раз налил себе вина и собирался пригубить, но от этих слов едва не выплюнул прекрасное вино назад. Он покатился со смеху и, смерив Фэй Цзиня взглядом с головы до ног, произнес:

— Значит, звать тебя Фэй, а имя — Цзинь? Славное имя. Вот только, воин Фэй, когда ты говоришь с людьми таким тоном, каким обычно сватаются к прекрасным девам, это неизбежно порождает некоторые... мелкие недоразумения.

— Недоразумения? Какие еще недоразумения? — На самом деле Фэй Цзинь порывался спросить, что значит «свататься», но интуиция подсказала ему, что обстановка сейчас не та, и он смолчал, затаив этот вопрос в глубине души.

Человек в алом качнул головой, с легкостью переводя разговор на другое:

— Пустяки, со временем сам все поймешь. А что до поединка — успеется, никуда он не убежит. Перед нами роскошный стол с изысканными блюдами и превосходным вином. Не стоит упускать этот прекрасный момент.

Он поднял чарку, но увидев на лице Фэй Цзиня глухую растерянность — тот явно не улавливал, какая связь между едой, вином и благодатными мигами — рассмеялся еще сильнее:

— Если уж судьба свела нас в этом бескрайнем Цзянху, позволь мне угостить тебя обедом. Так что будь добр, приberi свой топор.

Фэй Цзинь послушно угукнул и засунул топор обратно за пояс, и лишь спустя какое-то время с легким опозданием пояснил:

— Это не топор, это драгоценный меч.

— А? — На этот раз пришел черед таинственному незнакомцу впадать в ступор.

Молодой воин Фэй указал на свой пояс и еще раз твердо отчеканил:

— Это драгоценный меч. Наставник передал его мне, наш фамильный великий меч.

— ...Ха-ха, ха-ха-ха! Ну и чудак же ты, до чего же потешный!

Зеваки вокруг шушукались:

— Они что, просто болтают?

— Ага, просто болтают.

— Может, воспользуемся моментом да сбежим?

— Бежим!

И к тому времени, как человек в алом отсмеялся, в зале Вантинчуня не осталось никого, кроме него самого и Фэй Цзиня, ну и, конечно, слуги с поваром, которым бежать было решительно некуда.

Шеф-повар, по правде говоря, тоже безумно хотел унести ноги, да вот беда — этот вэйцзиньский красавец пообещал угостить спутника и велел приготовить еще несколько знатных блюд. Повару оставалось лишь плакать да причитать на кухне, прямо как бедной девице, которую силой принуждают к непотребству.

Жаль только, что страдания той «девицы» никто не оценил, в зале до этого никому не было дела. Человек в алом и Фэй Цзинь вели на редкость упоительную беседу. Незнакомец сыпал такими сочными речами, что Фэй Цзинь лишь рот разевал от изумления; лицо его лучилось неподдельным восторгом, он напрочь позабыл про всяких «поверженных врагов» и, глядя на этот алый ком перед собой, который умял две чаши риса.

«К слову сказать, этот алый цвет куда милее глазу, чем тот розовый», — невольно рассудил юноша и принялся во все глаза разглядывать собеседника.

Тем временем человек в алом плеснул себе еще вина и внезапно сменил тему, вспомнив о недавно сбежавшей Бессмертной деве Светлой Луны Чу Цзы:

— Воин Фэй, а ты, как я погляжу, совсем не умеешь щадить хрупкие цветы. Как-никак, молодая госпожа Чу из секты Саньфэньу слывет в здешних краях невероятной красавицей, ее без

прикрас зовут первой прелестницей Янчжоу! А ты взял да и не поддался ей, так грубо обошелся с прекрасной девой!

Не дав Фэй Цзиню вставить и слова, он с притворным вздохом добавил:

— Жаль, что эта дева не прислала мне приглашения. В противном случае, будь эта Саньфэньу хоть трижды логово дракона или тигриная нора, я непременно ворвался бы туда, чтобы провести с ней ночь за тихой беседой при свечах.

Услышав это, Фэй Цзинь мигом отложил палочки для еды и со всей серьезностью кивнул в знак согласия:

— Верно говоришь. У той воительницы кулачные приемы весьма недурны, значит, и прочие люди в ее доме сильны в боевом деле. Туда определенно стоит наведаться и затеять славную драку.

Судя по всему, Саньфэньу — крупная секта. Если он одолеет их всех и сделает своими побежденными противниками, то станет еще на шаг ближе к званию Врага всего боевого мира и мастерству «Смерть с каждым шагом», а значит — и к снадобью Сяолунся!

«Наставник, жди меня!»

— О? Ха... Ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха! — Алый силуэт вдруг зашелся в безудержном хохоте. Звонкий, залихватистый смех эхом разнесся по всему Вантинчуню, так что в глазах у Фэй Цзиня все аж зарябило.

«До чего же смешливый человек».

Незнакомец едва не задохнулся от хохота. Он подумал, что этот Фэй Цзинь — истинное сокровище. За городом, когда тот беседовал с коровой, это уже было уморительно, но здесь, в черте города, превзошло все ожидания.

С этими мыслями он принялся с нескрываемым интересом разглядывать лицо юноши. Спустя какое-то время он вынес вердикт: если закрыть глаза на чересчур свирепый взгляд и грозную ауру, лицо этого братца, путающего топор с драгоценным мечом, тоже было весьма... примечательным.

Упускать столь редкого чудака не хотелось, и человек в алом собственноручно налил вина, пододвинув чарку Фэй Цзиню:

— Хоть мы и сошлись случайно, как ряска в пруду, но мне по сердцу твой нрав, воин. Давай будем друзьями?

— Друзьями? — У Фэй Цзиня было полным-полно друзей. На горе его друзьями были дикие вепри в чащобе, птицы, свившие гнезда на ветвях, мелкие рыбешки в ручьях, и даже деревья, на которых он оттачивал удары меча, все как одно приходились ему братьями.

Вот только среди людей друзей у него еще не бывало. Лицо его озарилось радостной улыбкой:

— Отчего же нет, с радостью. Спасибо тебе.

За обедом оба остались довольны: Фэй Цзинь набил живот так, что он округлился, а человек в алом осушил два кувшина превосходного вина. Огорчались, пожалуй, лишь разносивший блюда слуга да шеф-повар на кухне, который все еще тихо всхлипывал, полный уныния.

Что касается управляющего Хэ, то он так и не пришел в себя, мирно почивая у их ног.

Когда пришло время расставаться, Фэй Цзиню, только-только обретшему друга, было немного тоскливо на душе — пусть и не так горько, как при прощании с наставником, но все же близко к тому. А вот человек в алом выказал истинную широту натуры. Бросив на прощание: «Боевой мир и мал, и велик, рано или поздно свидимся снова», — он призрачной тенью растаял вдали, оставив в глазах Фэй Цзиня лишь прощальный алый росчерк.

И только когда молодой воин Фэй покинул Вантинчунь и принялся подыскивать постоянный двор для ночлега, до него внезапно дошло: его новый приятель от начала и до конца так и не обмолвился, как его зовут!

«Айя-яй, какая оплошность, сам ведь позабыл спросить!»

Он завертел головой по сторонам, но и след незнакомца уже простыл.

Раз уж дело сделано, оставалось лишь придумать для него временное прозвище, чтобы не забыть, а настоящее имя выспросить при следующей встрече. Раз уж тот так любит ряздаться в красное, пускай зовется просто — Сяо Хун.

— Апчхи! — Затерявшийся в толпе человек в алом, скрывший свое имя и заслуги, ни с того ни с сего громко чихнул, ощутив смутное, недоброе предчувствие.

Тем временем в многострадальном трактире Вантинчунь шеф-повар выплеснул кувшин холодного чая на лицо управляющего Хэ. Очнувшись и узнав, что свирепый бандит не просто убрался прочь, но и взаправду прихватил с собой все денежные шкатулки и кошель, почтенный Хэ вновь закатил глаза и с глухим стуком плашмя рухнул на пол.

«Злой гений! Настоящий демон во плоти! Через пару дней непременно надо сходить в храм, поклониться Бодхисаттве, чтобы ноги этого демона больше не было в нашей лавке! Это же были мои кровные сбережения, накопленные за долгие годы... В один миг все прахом пошло.

Стоит сегодня домой воротиться — законная супруга вместе с наложницами мне все лицо разукрасят!»

Управляющий Хэ горевал, но и Фэй Цзинь тоже сожалел.

Пусть сегодня был лишь первый день его спуска с гор ради великого свершения, стать Врагом всего боевого мира, но если посчитать, он нажил себе всего одного врага в лице Бессмертной девы Чу Цзы. До мастерства «Смерть с каждым шагом» было еще как до луны. Путь впереди лежал долгий, нужно было трудиться не покладая рук.

«Что ж, сперва передохну ночь, а завтра отправлюсь на поиски этой хваленной секты Саньфэнь».

Имея за плечами опыт поисков трактира, на этот раз Фэй Цзинь отыскивал постоянный двор куда быстрее. Вот только хозяин заведения отчего-то тоже то и дело шатался из стороны в сторону, трясся всем телом и наотрез отказывался брать плату за постой, едва ли не суя ему в руки шкатулку с выручкой.

У самого Фэй Цзиня за пазухой и без того звенела куча кошельков, банкнот и медных монет, добытых в Вантинчуне — ноша была изрядно тяжелой, так что от подношений трактирщика он решительно отказался. Попутно юноша вслух посетовал, мол, до чего же дурные новые порядки завелись у подножия гор: даже если лавкам нынче и положено одаривать постояльцев монетой, неужели нельзя выдавать все бумажными банкнотами, к чему пихать тяжелое серебро?

Услышав эти приглушенные стенания, хозяин постоялого двора чуть не лишился чувств от потрясения. «До чего же нынче пошли бесстыжие разбойники! Мало того что грабят среди бела дня, так еще и требуют, чтобы обворованные самолично разменивали серебро на банкноты! Что за времена настали!»

Вскоре опустилась ночь.

Фэй Цзинь впервые ночевал в комнате постоялого двора. Накатывала тоска по былым привольным денькам на горе; он достал из-за пазухи самодельную книжицу, растер тушь, взял кисть и аккуратно вывел слова напутствия самому себе: «Завтра нужно нажить еще больше врагов. Помни об этом твердо, трудись усердно».

Дождавшись, пока тушь просохнет, он перечитал строки несколько раз, запечатлел их в сердце и с чувством выполненного долга задул свечу, погрузившись в сон.

Спал он безмятежно, без единой заботы на душе. Однако для Янчжоу эта ночь выдалась отнюдь не спокойной.

В серебряном свете луны алый силуэт, подхваченный ночным ветром, бесшумно опустился на крышу. А вдали, в омываемой водами озера усадьбе секты Саньфэнь, то и дело раздавался звон скрепящегося оружия, который вскоре сменился гробовой тишиной. И больше не доносилось ни звука.

Ночь обещала быть долгой.

Едва забрезжил рассвет, Фэй Цзинь уже был на ногах. Умывшись, он вышел во внутренний дворик, чтобы отточить приемы своего мастерства меча.

Он свято чтит наставления учителя, и хотя у подножия гор рубить было решительно нечего, юноша все равно со свистом рассекал воздух своим топором. Косые рубящие удары, поперечные взмахи, вертикальные выпады, колющие выпады из-за спины... Каждый прием он выполнял с безупречной точностью, до тех пор, пока не повторил все тринадцать форм «техники меча» ровно по сто раз. Лишь когда в животе утробно заурчало от голода, а на лбу выступили капли пота, он наконец остановился.

Закончив тренировку, Фэй Цзинь только собрался было покликать слуг, чтобы те принесли ушат воды для мытья, чтобы заодно попрактиковаться в созерцании внутренней энергии, как на его зов явился не один человек, а целая толпа.

Люди ворвались во двор. Впереди шел хозяин постоянного двора; вскинув руку, он яростно указал пальцем на Фэй Цзиня и с неподдельным возмущением провозгласил:

— Уважаемые воительницы, это он! Именно этот разбойник вчера замыслил непотребство против Бессмертной девы Светлой Луны!

Стоило ему вынести обвинение, как во дворе поднялся многоголосый девичий щебет:

— Это он?

— Трактирщик, ты уверен, что это он?

— Так это он посмел проявить непочтение к нашей старшей сестре?!

Хозяин постоянного двора густо покраснел и жалобно насупил брови, источая одновременно ярость и глубокую скорбь, а слова его буквально исходили кровью:

— Этот разбойник столь свиреп лицом, что ваш покорный слуга ни за что бы не обознался! Вчера, едва явившись сюда, он уже ограбил без счета людей, да еще и притеснял постояльцев, желая прибрать к рукам все заведение! Что уж говорить о бесчинствах в Вантинчуне — тому свидетелями были все жители Янчжоу. Да у меня тут пара гостей самолично все видели, если не верите почтенным девам, можете расспросить их.

Тотчас на втором этаже какие-то любители совать нос в чужие дела приоткрыли щелку в окне и сквозь бумажную ширму прокричали наружу:

— Истинно так, истинно так! Мы своими глазами видели, как он обижал Бессмертную деву Светлой Луны, гнался за ней по пятам и колотил!

Из окна напротив тут же подхватили:

— Верно-верно! Он размахивал тем топором, желая разрубить Бессмертную деву пополам, совсем не умеет щадить хрупкие цветы!

Толпа так разошлась, что под конец их небылицы и вовсе вышли за рамки приличий. Стали звучать цветистые слухи о том, будто Фэй Цзинь на самом деле — предводитель разбойников с горы Хэйфэн, который изнывал от любовной тоски, да вот беда — ни одна порядочная дева не шла за него. Оттого он и спустился с гор, чтобы силой увезти Бессмертную деву Светлой Луны прямо в опочивальню для свадебного обряда.

Слушать этот вздор во дворе стало неважно, и один чистый девичий голос звонко оборвал толпу:

— Глупости! Наша старшая сестра овладела «Искусством цветочных кулаков и вышитых ног» без малого на девяносто процентов! Мало кто из нашего поколения сравнится с ней, с чего бы какому-то горному лекарю... то есть главарю разбойников разбить ее в пух и прах?!

Эта воительница повернулась к Фэй Цзиню, и в глазах ее вспыхнуло яростное пламя:

— Разбойник, ты наверняка прибеж к какому-то грязному трюку, бесстыдник!

Фэй Цзинь в полнейшем замешательстве выслушал всю эту тираду, почесал затылок и рассудил, что всякие там «горные главари» к нему отношения не имеют. Полагаясь на слух, он повернулся в ту сторону, откуда доносился голос хозяина постоянного двора, и спросил:

— А где вода, что я просил?

Должно быть, от поднявшегося шума он совсем растерялся и позабыл, что все еще держит в руке свой «драгоценный меч», едва не срезав себе прядь волос со лба.

Во дворе тут же раздался дружный вздох ужаса: «До чего же свиреп этот негодяй, он готов даже собственную голову с плеч снести!»

Конечно, кое-кто втайне пожалел, мол, раз уж замахнулся, так рубил бы точнее, а срезать волосы — невелика доблесть. Впрочем, об этом думали лишь про себя, вслух сказать никто не

отважился.

Однако пока вокруг бушевали страсти, Фэй Цзинь продолжал стоять с таким видом, будто все происходящее его совершенно не касается. Это изрядно раздосадовало учениц секты Саньфэньу, которые до этого сомневались в словах трактирщика.

Как назло, в этот самый миг притащили и бедолагу управляющего Вантинчуня. Со вчерашнего вечера он пребывал в полнейшем беспамятстве, а стоило ему завидеть Фэй Цзиня, как он испустил дикий вопль: «Великий воин, пощади!» — и тут же без сил осел на землю, судорожно бормоча извечное: «У меня дома престарелая матушка восьмидесяти лет от роду и малое дитя трех годочков...»

У Фэй Цзиня зрение было неважным, зато слух — на зависть каждому. Он с живейшим любопытством вставил:

— Отчего это у подножия гор у каждого встречного есть восьмидесятилетняя матушка и трехлетний ребенок? — он отчетливо помнил, что вчерашний слуга причитал точно так же.

От этих слов напряженная атмосфера всеобщей вражды вмиг лопнула, и кто-то в толпе тихонько прыснул со смеху.

Однако ученицы Саньфэньу расценили это как откровенную насмешку над ними. Имея на руках живое свидетельство, они окончательно уверились, что перед ними тот самый злодей, который вчера бился на городских улицах с Бессмертной девой Светлой Луны Чу Цзы. Волна гнева захлестнула их сердца; с грозным кличем они ринулись вперед, беря Фэй Цзиня в плотное кольцо. Старшая из учениц с покрасневшими глазами, давясь слезами, выкрикнула:

— Убийца! Наша секта Саньфэньу не чинила тебе зла, за что же ты так безжалостно лишил жизни нашу старшую сестру?!

На этот раз пришел черед изумляться всем остальным.

Что?! Чу Цзы мертва? Та самая первейшая красавица Янчжоу, любимая дочь главы Саньфэньу, чье имя гремело по всему боевому миру — Бессмертная дева Светлой Луны Чу Цзы, скончалась?!

Немудрено, что с самого утра в усадьбе Саньфэньу поднялся такой переполох, и все ученики до единого заполонили улицы, перевернув Янчжоу вверх дном. Поскольку секта пользовалась доброй славой среди простого люда, столь жесткие меры поначалу вызывали у многих смутный ропот.

Но если Чу Цзы и впрямь пала от руки убийцы, то любые, даже самые суровые действия были оправданны.

Стоит понимать, что Бессмертная дева была не просто рядовой ученицей — она являлась единственной дочерью главы Саньфэнью и наследницей этого поста.

И пусть дела кланов и боевого мира мало трогали простых обывателей, гибель первой красавицы стала невосполнимой утратой для всего Янчжоу. Едва страшная весть разнеслась по двору, как отовсюду донеслись скорбные всхлипывания, а те, кто втайне питал нежные чувства к Чу Цзы, и вовсе разрыдались в голос.

Один лишь Фэй Цзинь стоял ни жив ни мертв от недоумения. Уставившись на расплывчатый силуэт перед собой, он произнес:

— Вчерашняя воительница мертва? Быть того не может, у нее ведь столь незаурядное мастерство, как она могла умереть?

От этих слов ученицы Саньфэнью аж зубами заскрежетали:

— Ах ты, гнусный злодей! Мало того что прилюдно унизил нашу старшую сестру, так еще и жизни ее лишил, а теперь смеешь бросать столь циничные речи! Неужели ты думаешь, в Саньфэнью перевелись заступники?! Сестры, сегодня мы обязаны схватить этого разбойника и совершить возмездие ради упокоения души старшей сестры!

Остальные девы дружно подхватили:

— Пусть даже прольется кровь, мы доставим этого злодея в усадьбу!

С этими словами они приняли боевые стойки, готовые сойтись с Фэй Цзинем в смертельной схватке.

Однако ожидаемой кровавой бани так и не случилось. Фэй Цзинь какое-то время соображал, к какому выводу клонят эти девицы, и наконец понял: они собираются отвести его напрямик в Саньфэнью — а ведь он и сам собирался туда наведаться.

— А, ну так идемте, — он послушно переставил ноги.

Ученицы Саньфэнью в недоумении переглянулись: «???»

Вот так, в полусонном беспомыслии, молодой воин Фэй в «окружении» семи или восьми прекрасных дев проследовал к цитадели крупнейшего клана Янчжоу — Саньфэнью, по пути ловя на себе полные зависти взгляды прохожих, не ведавших истинной сути дела.

Усадьба Саньфэнью была возведена прямо на берегу озера. И верно, то было знаменитое живописное место Янчжоу — озеро Шоусиху (Тонкое Западное озеро).

Клан умудрился включить в свои владения все прибрежные земли Шоусиху, выстроив там бесконечные ряды покоев, что наглядно демонстрировало безграничную власть и могущество секты.

Наш молодой воин впервые видел столь великое и прославленное пристанище боевого мира. Стоило ему переступить порог, как он самым постыдным образом принялся крутить головой по сторонам. И пускай все, что представало его взору, тонуло в туманной дымке, но ведь даже туманные пейзажи делятся на дивные и неказистые!

Здесь же, среди гор и вод, искусно переплетались изящные беседки и павильоны, а деревья и цветы были столь заботливо ухожены, что повсюду веяло благородным духом бессмертных. Никакого изъяна найти было невозможно.

Конвоировавшие его ученицы лишь диву давались, слыша его тихие вздохи:

— До чего же здесь краше, нежели у нас на горе. Не зря зовут великой сектой боевого мира.

«...Выходит, он и впрямь спустился с гор? Стало быть, горный главарь разбойников?»

Припомнив небылицы, что плели те глупцы на постоялом дворе, девицы принялись коситься на него еще мрачнее. На молодого воина Фэя мысленно навесили целую кучу ярлыков вроде «покусился на девичью красу», «дерзость обуяла сердце» и «сперва обесчестил, а после сжил со свету». В общем, Фэй Цзинь отчетливо ощутил, что обстановка вокруг сделалась еще хуже.

И все же от одного вопроса он сдержаться не сумел:

— Отчего это вы все в розовом?

Вчерашняя Чу Цзы с головы до пят была облачена в розовое;

Сегодняшние ученицы до единой щеголяли в розовых шелках;

Теперь же, очутившись за воротами Саньфэнью, он заметил, что какими бы изысканными ни были павильоны, все убранство в них тоже было выдержано в нежно-розовых тонах! Да что там — даже снующие повсюду люди, от старейшин и учеников до слуг с метлами, независимо от пола и возраста, поголовно рядились во все розовое!

Но что еще примечательнее — Фэй Цзинь украдкой придвинулся ближе к конвоирующей его ученице и убедился: на головах у всех без исключения красовались цветы! У кого-то один-два, у кого-то четыре-пять — сущие ходячие клумбы.

И, разумеется, тоже розовые.

Фэй Цзинь не питал отвращения к этому цветку, но когда вокруг не осталось ничего, кроме розового марева, он невольно испугался: а ну как его глазной недуг обострился настолько, что отныне он не просто потерял четкость зрения, но и все краски мира для него слились в одну? Это ведь сущий кошмар!

Потому-то он и жаждал прояснить этот вопрос.

Сказать по правде, хоть цветы носили все поголовно, но никто не переплюнул в этом деле саму Бессмертную деву Светлой Луны. Вчера Фэй Цзинь не поленился сосчитать: в прическу Чу Цзы было вплетено ровно семь бутонов. Благо девица была невероятной красавицей, так что даже с охапкой цветов на макушке не теряла своего очарования.

«Неужели такую искусную в боевом деле и прелестную воительницу взаправду сжили со свету?» — размышлял он про себя.

Шедшая подле него ученица лишь с презрением фыркнула на этот глупый вопрос, посчитав ниже своего достоинства отвечать гнусному убийце их старшей сестры, так что в воздухе продолжало висеть гнетущее молчание.

Это оцепенение длилось ровно до тех пор, пока Фэй Цзинь не ступил под своды главного зала Саньфэнью и не увидел восседавшую на высоком троне главу секты Чу Жун, а также стоявшего подле нее супруга, господина Ван Чаоши. Тут-то юноша и не сдержал удивленного вздоха: «Ого!»

А виной тому было осознание, что со своими недавними восторгами он изрядно поторопился.

Подумаешь, розовые одежды, подумаешь, семь бутонов! Глава Саньфэнью, статная цветущая женщина лет сорока с небольшим, умудрилась водрузить себе на голову целых девять розовых цветов! Причем таких исполинских размеров, что не хватало разве что живой бабочки, порхающей сверху.

Да что там — даже у ее законного супруга, зрелого мужа, в прическу было втулено целых пять бутонов.

«...Может, этой вашей Саньфэнью лучше переименоваться в секту Полоумных Цветочников?» — невольно подумал юноша.

Ведь если даже с его запущенным недугом глаз цветы на голове Чу Жун казались столь отчетливыми, можно было лишь догадываться об их истинной величине. И пусть Фэй Цзинь не знал здешних обычаев, он твердо верил, что здравомыслящие люди так поступать не станут.

Тем более что, по заверению учениц, эта женщина только что лишилась единственной дочери.

Потерять любимое дитя, но при этом не устроить траурный зал, не облачиться в белые одежды, а вместо этого щеголять с цветущим садом на макушке — это шло вразрез со всяким здравым смыслом.

И все же у Фэй Цзиня не нашлось поводов усомниться в подлинности кончины Бессмертной девы Светлой Луны.

Потому что в главном зале взору предстали не только разодетые, словно на праздник, супруги-главы, но и покоящийся прямо посреди покоя угольно-черный гроб. Крышка его была откинута, и внутри мирно покоился человек, с головой укрытый саваном из белого холста, отчего нельзя было разобрать, кто именно там лежит.

Однако кто бы это ни был, дыхание в этом теле угасло навеки.

Поверх белого савана тихо покоились семь нежно-розовых бутонов, то были те самые цветы, что еще вчера украшали прическу Чу Цзы.

Пока Фэй Цзинь разглядывал главу Саньфэнь, хозяйка усадьбы Чу Жун точно так же изучала его самого. Взор ее скользнул по его лицу, опустился на темно-синее, иссиня-черное, длинное одеяние и замер на зажатом в руке топоре.

То был самый незамысловатый, заурядный топор.

Длиной в два чи, три цуня и три фэня, с топорщиком из самой простой древесины, сплошь покрытым приметными отметинами от долгих лет непрерывной работы. Само лезвие изъела темно-красная ржавчина; кто знает почему его никто никогда не точил, отчего край даже слегка завернулся. Впрочем, хозяина это нимало не заботило, и он продолжал орудовать им как ни в чем не бывало.

Посередине топорщика едва заметно проступал кольцевой след — верный знак того, что когда-то здесь долгие годы было что-то намотано или привязано.

«Неточеный топор...» — Чу Жун нахмурилась и только собиралась подать голос, как вдруг зашлась в приступе жестокого кашля. Ей пришлось слегка податься вперед, прижав ладонь к груди.

Ее супруг тут же с самым встревоженным видом принялся легонько похлопывать ее по спине, попутно во весь голос приказывая служанкам поскорее подать чаю.

Вскоре служанка, смиренно опустив глаза, поднесла чашу. Чай для главы Саньфэнь, очевидно, был изысканнейшего сорта — зал вмиг наводнил тонкий, бодрящий аромат, от которого даже у Фэй Цзиня пересохло в горлу.

Да что там в горле, в животе тоже нещадно заурчало. Как-никак, его притащили сюда, не дав даже позавтракать, а в животе было совершенно пусто — желудок всю распевавал песни.

«Что-то с тех пор, как я спустился с гор, мне то и дело приходится ходить голодным», — подумалось юноше.

Ван Чаоши самолично приподнял крышечку, по-актерски подул на горячий пар и лишь после этого угодливо протянул чашу супруге. Однако Чу Жун какое-то время безучастно созерцала изумрудный настой, а затем легким движением руки оттолкнула подношение.

Кашель ее к тому времени утих, она вновь распрямилась, вновь обратившись во властную и непреклонную главу Саньфэнь.

Уставившись на Фэй Цзиня, она произнесла ровным, ледяным тоном:

— Кто бы ты ни был, ты заплатишь за это жизнью.

Голос ее не дрогнул ни на йоту, звуча веско и обыденно. Не лежи тело Чу Цзы в гробу, могло показаться, будто она обменивается пустяковыми приветствиями.

Однако смысл этих слов дышал стужей, и каждое слово ложилось на него роковой печатью, сулящей смерть.

По сравнению с ней отец Чу Цзы и супруг главы был настроен куда более яростно. Едва жена умолкла, он тут же громогласно подхватил:

— Истинно так! Гнусный разбойник, ты убил мою любимую дочь! Сегодня, даже если твоя кровь окропит этот зал, это не уймёт моей скорби! Саньфэнь предаст тебя тысяче смертей через разрезание на куски, чтобы ты искупил жизнь моей дочери!

Стоило главе вынести вердикт, как доставившие Фэй Цзиня ученицы воспрянули духом. Они принялись грубо толкать и пихать юношу, требуя, чтобы тот сразу же сознался, как под покровом ночи пробрался в усадьбу ради убийства.

Фэй Цзинь почесал затылок:

— Жизнь за жизнь — оно, конечно, справедливо. Вот только не убивал я воительницу Чу, с чего бы мне помирать? К слову... а отчего, собственно, умерла воительница Чу?

Укрытая плотным саваном, она не давала понять, пала ли она от меча, сабли или какого иного оружия.

«Лучше сперва взглянуть», — рассудил он и самым естественным образом шагнул вперед, откинув белый холст и обнажая покоящееся в гробу тело Чу Цзы. Впрочем, даже так зрение не позволяло ему разглядеть детали, поэтому пришлось наклониться пониже.

Со стороны же казалось, будто Фэй Цзинь чуть ли не целиком залез в гроб. Выглядело это донельзя вульгарно и святотатственно, словно он вознамерился сотворить какое-то непотребство над телом усопшей госпожи.

В главном зале тут же поднялся невообразимый шум. Кто-то пронзительно визжал, требуя забить Фэй Цзиня насмерть, кто-то бросился вперед, пытаясь заслонить тело Бессмертной девы Светлой Луны, а кто-то в слезах взывал к «слепому небу» — сущее нелепое зрелище, точно театральное представление.

Кое-как уворачиваясь от града посыпавшихся на него ударов, Фэй Цзинь не выдержал и спросил:

— Послушайте, а госпожа Чу случаем не просто уснула?

На теле Чу Цзы не было видно никаких ран — по крайней мере, его взору они не открылись.

Разумеется, раны могли скрываться под одеждой, которую уже успели поправить. Однако в бытность его на горе Шэнь Кунмин строго-настрого наказывал ему не распускать руки и не снимать с женщин платья (хотя у Фэй Цзиня и к супруге охотника Вана, тетушке Ван, интереса не водилось), оттого и здесь он не решился зайти так далеко.

Сказать по правде, Бессмертная дева Светлой Луны была воистину прекрасна: даже теперь, когда искра жизни угасла, ее длинные ресницы все равно невольно радовали взор.

Быть красивой — великое благо: даже после смерти это вызывает в людях трепетную жалость.

Та самая старшая ученица, что заправляла всем во дворе, вновь заскрежетала зубами от ярости:

— Ты, мерзавец! Сам тайно опоил старшую сестру ядом, а теперь смеешь произносить подобные речи! Саньфэнью — это тебе не проходной двор, куда можно зайти и выйти по своему хотению. Раз уж явился сегодня, живым тебе отсюда не выбраться!

«Так, значит, отравление», — осенило Фэй Цзиня. Он сделал несколько стремительных шагов и в мгновение ока очутился прямо перед Чу Жун.

Никто из присутствующих не сумел разгадать это призрачное, неуловимое движение. В глазах свидетелей юноша просто небрежно переставил ноги, однако эти несколько шагов с легкостью вывели его из плотного кольца окружения и доставили прямиком к креслу главы.

Ван Чаоши резко переменялся в лице; он порывался было заслонить Чу Жун собой, однако на миг заколебался и так и не сдвинулся с места.

Лишь Чу Жун сохранила невозмутимое спокойствие. Ее взгляд мазнул по топору в руке Фэй Цзиня и остановился на лице юноши; она не повела и бровью.

Вообще говоря, приближаться на столь короткую дистанцию к мастеру ближнего боя — верх безрассудства. Для людей боевого мира, взрастивших внутреннюю силу для рукопашной схватки, близость врага лишь умножает сокрушительную мощь их ударов.

Потому шаги Фэй Цзиня, хоть и казались угрозой для Чу Жун, на деле были добровольным шагом в ловушку. Вздумай он напасть, не прошло бы и вдоха, как сокрушительный Цветочный кулак Чу Жун угодил бы ему прямо в чрево, превратив внутренности в месиво.

То было бы истинное, доведенное до абсолюта боевое искусство жестоких ударов, с которым вчерашняя сила Бессмертной девы не шла ни в какое сравнение.

Однако Фэй Цзинь сейчас вовсе не собирался драться.

Встав перед Чу Жун, он, как положено, отвесил старшей глубокий поклон и принялся с расстановкой, четко выговаривая слова, объяснять, что вовсе не травил Чу Цзы. Ведь он видел в ней исключительно достойного соперника и лишь желал сделать ее своим поверженным врагом.

До вчерашнего дня они знать друг друга не знали, былых обид не копили, к тому же Чу Цзы и так была им побеждена. Захоти он ее убить — пришиб бы прямо на месте, к чему бежать среди ночи, чтобы её отравить? У них, воинов, кодекс чести строгий: если можешь решить дело мечом — не прибегнешь к яду.

Словом, резона убивать ее не имелось вовсе.

Выслушав эту тираду, и глава Саньфэньу, и ее супруг, и все стоявшие в зале ученики разом уставились на зажатый в его руке топор — отчего речи Фэй Цзиня показались им еще менее убедительными.

Юноша меж тем продолжал с грустью сокрушаться:

— Я ведь всего лишь хочу стать Врагом всего боевого мира, а вовсе не убийцей. К тому же воительница Чу и лицом была хороша, да и кулаком крепка, да и вообще стала первым добрым человеком, согласившимся скрестить со мной оружие после моего спуска с гор. Ее столь внезапная кончина и для меня большая утрата.

И впрямь утрата: таких благодетелей, готовых делом поддержать его стремление стать

всеобщим врагом, в поднебесной сыскать было непросто.

Наш молодой воин, будучи совершенным невеждой в мирских делах, не знавшим ни вкуса жизни, ни горечи смерти, да к тому же едва знакомым с Чу Цзы, хоть и досадовал, но горьких слез не проливал. Окажись на его месте обычный человек, он бы хоть ради приличия выдал из себя пару скорбных рыданий, а этот рубит правду в глаза как есть.

От таких речей даже на лице сдержанной главы Чу проступила тень гнева, а Ван Чаоши и вовсе взорвался от ярости. Ткнув в Фэй Цзиня пальцем, он принялся громогласно распекать его за лукавство, обзывая отъявленным негодяем.

Этого ему показалось мало, и, яростно колотя по подлокотнику кресла, он взревел:

— Ты ещё смеешь называть мою дочь своим поверженным противником! Хм! Миньюэ с трех лет постигала внутреннюю энергию, с пяти — оттачивала кулак, с семи — ставила удар ноги, а к десяти годам полностью овладела «Искусством цветочных кулаков и вышитых ног»! К шестнадцати же годам она переняла девять десятых всей сути этого мастерства! И какому-то неотесанному деревенщине, невесть откуда объявившемуся, заявлять, будто он одолел Миньюэ?!

Ван Чаоши бросил это возражение сгоряча, но чем больше говорил, тем складнее ему самому казались собственные доводы, и он даже выстроил мотив убийства:

— Миньюэ была слишком добросердечна! Вчера во время поединка она просто пожалела тебя и уступила пару приемов. Кто же знал, что ты, тварь мелочная и коварная, поймешь, что против Миньюэ тебе не выстоять, и ее доброту примешь за слабость? В твоём черном сердце зародился умысел, и под покровом ночи ты явился, чтобы извести ее ядом!

Звучало это весьма складно, да-да, именно так все и было.

— Какая еще «внезапная кончина», ты сделал это намеренно! — покрасневшись, отрезал Ван Чаоши.

«Ой?»

Глядя на реакцию собравшихся, Фэй Цзинь смутно заподозрил, что его слова об «утрате», пожалуй, прозвучали не слишком удачно. Однако, судя по всему, отца Чу Цзы куда больше задело слова... «внезапная кончина»?

Внезапная кончина, внезапная кончина... Вчера Чу Цзы еще бойко дралась с ним и старательно впрятала цветы в волосы, а за одну ночь испустила дух — это ли не внезапная кончина? Отчего же они столь болезненно восприняли это выражение?

Да и этот муж... Скончалась его собственная дочь, у нее есть нормальное имя, а он без конца величает ее «Миньюэ» (Светлая Луна). Слышал он, что в боевом мире в ходу всякие прозвища при встречах да в преданиях, но чтобы родной отец называл дочь исключительно по прозвищу — это нарушало все приличия

Вот, к примеру, когда он жил на горе, старший брат Ван-охотник любил величать его «маленьким Фэй-Фэйчиком», но учитель себе такого никогда не позволял: звал либо «милый ученик», либо «глупый ученик», либо по имени, но уж точно не «Фэй-Фэйчиком».

В этой усадьбе Саньфэньу определенно все шло наперекосяк.

Поразмыслив, Фэй Цзинь рассудил, что его наставник всегда и во всем прав, и в столь щекотливый миг самое время прибегнуть к его мудрым наставлениям.

И он без утайки сказал:

— Мой учитель говаривал: в этом мире те, кто непримиримо враждуют, строят козни и безжалостно изводят друг друга — зачастую вовсе не явные недруги, а те, кто с виду кажутся самыми близкими. А потому с близкими всегда ухо нужно держать востро.

Стоило этим словам сорваться с его губ, как все присутствующие в Саньфэньу переменялись в лице. Глава усадьбы еще кое-как сдерживала себя, а вот багровый румянец на щеках возбужденного Ван Чаоши вмиг сменился мертвенной бледностью. Он затрепетал губами, сиюсья что-то произнести, но его опередили.

— Ты, паршивец! Даже сейчас смеешь сеять раздор, умысел твой поистине преступен! Наша секта Саньфэньу едина духом, и мы с сестрой и зятем ни за что не поверим в бредни убийцы! Жди своей смерти!

— Верно, тетушка, нечего с ним попусту болтать, следует убить его поскорее, чтобы утешить дух кузины на небесах!

Эти две девицы поначалу стояли чуть пониже кресла главы, и Фэй Цзинь счел их обычными ученицами. Теперь же, судя по речам, они доводились Чу Жун кровной родней. Впрочем, родней, видимо, не самой близкой — с чего бы им стоять в ногах?

Вон, супруг главы вольготно устроился подле самого трона.

Молодой воин Фэй решительно не понимал, с чего бы этим двоим так горячиться.

У него, однако, имелось одно хорошее свойство: если чего не понимал — спрашивал без утайки, благо ложной гордостью обделен не был. Вот и сейчас он с живейшим прилежанием осведомился:

— Раз уж вы не убийцы, отчего же так разгневались?

Умерла ведь не их дочь, вон, родные отец с матерью стоят и помалкивают.

Этими девицами были младшая сестра главы Чу Жун — Чу Вань, и ее дочь Чу И, которые издавна кормились в усадьбе Саньфэнью. Услышав от Фэй Цзиня прямое обвинение в том, что они волнуются от нечистой совести, они и вовсе потеряли покой и готовы были на месте изрубить наглеца на полтора десятка кусков.

В этот критический миг из-за дверей донесся незнакомый мужской голос, исполненный изрядного изящества и беспутного удалства:

— Почтенные, не спешите. Позвольте и мне замолвить слово, прошу выслушать.

Алое одеяние, словно сошедшее с небес, опустилось прямо у главного входа.

<http://bllate.org/book/17303/1725991>